

Сегодня, 1-го марта 2005-го года я, Островская Ирина, в рамках программы «История семьи» беру второе интервью у Юрия Евгеньевича Яблокова, у него дома в Московской области в городе Ивантеевка.

Это первая кассета.

1-я кассета, сторона А

В. Юрий Евгеньевич, как вы думаете? Каким образом такое количество писем, отец писать мог чуть ли не каждый день?

О. В 38-ом году, примерно до сентября, он работал в командировке. То есть это временный лагерь в палатках, на пойме Северной Двины с одним или с двумя бараками там для охраны и склада продовольственного и рядом поселок, через который они ходят, общаются с вольнонаемными, вольнонаемные работают на сплотовочной машине, а они бревна туда подгоняют. Они могут передавать открытки с адресом, ну... без проблем любому живущему, работающему из вольнонаемных. Те опускают в ящик, элементарно

В. То есть вы считаете, что эти письма передавались, минуя цензуру?

О. Конечно. Конечно... А вы разве не видите? Да какая цензура! Там и цензуры-то не было...

В. Там нету никаких отметок. Мало того, он же пишет все время. Там вечер, ночь, там продолжаю на следующее утро. То есть такое впечатление, что он не то что неограничен, а он совершенно свободен в этом написании. Он может писать абсолютно сколько угодно и кому угодно.

О. Ну, как оно, наверное, и было некоторое время..

В. А потом?

О. Когда... Вот кончилась эта командировка, он по существу не попал еще ни в один лагерь. То есть он вот из Котласа, из пересылки, он прям попал, минуя лагерь... на эту... вот в эту командировку. И тут он попадает на эту ветку вот дороги на... Архангельск. Там же управление лагерей еще одно было. Но насколько я понимаю, вся эта система она отпочковалась... вот, севернее был Усть- какой-то еще лагерь, большой. Очень большой по площади. А... Этот... как он называется-то... господи... Ну, Каргопольлаг, лагерь. У него было несколько отделений, шесть или семь, разбросанных тоже по большой территории. Вот я знаю, что Липовка была шестое отделение, но раньше она называлась третье отделение. Я знаю, что Пукса озеро было, по-моему, четвертое отделение и еще отделения были, или участки лагеря, были вдоль всей трассы дороги, которые занимались лесодобычей и лесообработкой. Ящики делали, шпалы делали, всякие разные изделия. И он попал вот здесь на лесоповал. Вот тут он сильно подорвал здоровье, буквально за несколько, там за пару месяцев. Потому что бревна таскать, а он еще ушибся там, в этой командировке где-то бревном получил удар, ну плеврит.

В. Плеврит у него хронический. С кишечником там у него какие-то проблемы...

О. С кишечником, то есть он уже там начал...

В. Болеть.

О. Помирать. Кстати, в этот период, что там делалось в этом Каргопольлаге, прям вот там, где папа был, оно описано у вот поляка, там, Груздецкий, Гроздецкий (?). Он там как раз в 38-39 году был. И он подробно описывает все это. И если бы вот он не попал в Липово, он бы конечно погиб бы здесь еще. Но в Липово, там, он уже активированный, он уже инвалид, по-моему, третьей там градации какой-то. Потом он попадает там, в статистику, потом где-то в ноябре, там, в сентябре 39-го его делают химиком-бактериологом в стационаре больничном. Который построен дом в этом самом Липово. Он пишет моей матери: «ты видела эту стройку во время свидания», в 39-ом году». И вот

там он пробыл довольно долго. То есть всего он пробыл вот в этот период вот на этом участке Карлага 4 года 4 месяца. После чего он попадает на **Пуксу**. И вот тут опять. Ему обещают... Но он уже в плохом состоянии очень. Он пишет вот в 43-м году в конце, что он руками передвигает ноги. Там опухли уже, все, ну голод страшный в 43-м году был.

Ну а он ждет. А его активировали, он ждет отправки. То есть он уже должен быть отправленным, но он боится этой отправки, потому что не знает, как он будет жить, потому что в городах запрещено жить, во всех. Домой он попасть не может. Алексей Павлович ему пишет: "приезжай ко мне, я тебе... как-то..."

В. Да, вы говорили тогда. Скажите, а в Рязань тоже запрещено?

О. Да, все областные центры были запрещены.

В. Все областные центры.

О. Можно было в Сибири, Казахстан...

В. Ну и за сто километров от города.

О. Причем это все менялось. Там, сначала были там десять городов, потом двадцать... То есть там целая история, в общем, всего. Вот муж двоюродной сестры матери вот по линии Керкинских барнаульских, он был преподавателем под Рязанью в сельской школе. Его посадили. Он сколько время отбыл срок. Потом его выпустили, он вернулся. Потом была вторая волна посадки, его - в Казахстан. Без срока, без ничего, вот была такая волна: всех, кто был репрессирован раньше. Ну, насчет всех я не знаю, но, по крайней мере, то же самое пишет мне дядя Алеша, пишет, что ему рассказали подробно те, кто вышли из лагерей до окончания срока. Когда они вернулись домой, через некоторое время, значит, их всех опять отправили то ли на поселения это считалось, то ли в лагеря... Во всяком случае, их выселяли из всех центральных районов, из городов, вот тех, кто уже отбыл срок, вот там в СЛОНе, где-нибудь, неважно, где. Важно что он был политический заключенный, и это было достаточно, чтобы очищали местность от них. И он очень боялся, что он... в деревню он не найдет себе применения, он не сможет заработать себе на кусок хлеба. Это я про отца.

В. Я поняла.

О. То есть быть кому-то обузой он боялся. Между прочим, вот этот страх заключенных я встречаю много раз, в разных аспектах. Заключенные длительно сидящие в тюрьмах бояться и не хотят выходить на свободу. Остаются на местах поселений. Вот это у меня накопилось за десятки лет. Причем интересно другое, что это аналогично ощущению военнослужащих, офицеров, которые прослужили четыре и больше лет.

В. Вот после войны-то, да.

О. Вот когда началась массовая демобилизация, в 46-ом, в 47-ых годах, в 48-ом... Вот эти три года были, офицеры не хотели демобилизовываться. Боялись этого. Боялись... Вот они привыкли к тому, что им говорят, что делать. Не нужно заботиться о ночлеге. Не надо заботиться о еде. Накормят.

В. Ну и вообще нужен, в обойме. А так он куда?

О. Совершенно верно. Вот этот страх самостоятельной деятельности, самостоятельной жизни, когда человек прожил в условиях режима, вот он аналогичный, что в армии, что в лагерях.

В. Ну да, когда ходишь строем и там и здесь.

О. Да.

(отступление об расшифрованных письмах, о том, что они расположены по хронологии)

В. А вы мне скажите такую вещь. А вы вообще помните, как эти письма приходили? Как вы их получали.

О. Ну конечно, помню, потому что как всегда почтальоны просовывали под дверь. Ящиков почтовых тогда не было для частных домов. Или звонили вручали, по-всякому.

В. А это был треугольник, или это был конверт?

О. Треугольников я уже не помню. Дело в том, что когда появились треугольники... Это во время войны было. Я-то в Рязани уже почти не был.

В. Вы были в Ленинграде.

О. То есть это был период очень короткий...

(Отступление о болезнях)

В. Скажите, вы не застали треугольнички, потому что вы в Ленинграде уже. А вот до этого вы что помните, что письма приходят прямо каждый день?

О. Господи, нет, конечно, не каждый день.

В. Но очень часто.

О. Ну, видите, в чем дело, я даже не могу вспомнить, с какой частотой они приходили. Потому что я ведь дома-то вот, скажем, летом, меня дома не было. Я был либо в Варские, либо дачу снимали, а письма приходили в Рязань. То есть я-то их уже прочитывал позже.

В. А кто ж в Рязани оставался? Бабушки?

О. Ну, скажем, в 38-ом году была жива еще бабушка. Потом жили...

В. Которая бабушка? Папы?

О. А вот и та и другая, в общем, там были. И Керкинская и Яблокова. Потом вот мои тети эти сестры матери Зинаида Ивановна и Лидия Ивановна. Так что там всегда в доме кто-нибудь жил.

В. Кто-то был.

О. А вот я-то в то время как раз был там мало. Вот у меня, кстати, в памяти какой-то провал после возвращения из Ленинграда. То есть я вернулся в марте, в конце марта, по моему, 42-го года. Март. Ну... или да... Апрель я пролежал дома, не вставая. А, наверно, в конце мая я уже переехал в Варские. Вот, если лето в Варские я еще помню 42-го года, то как я учился в 8-ом классе в 42-ом году, в зиму 42-го, 43-го года, у меня какой-то провал. Я не помню ни преподавателей, ни соучеников, понимаете, вот стерто, стерто из памяти.

В. Ну бывает.

О. Я вынужден был разыскивать документы, чтобы узнать, в какой школе... какой номер школы был... Нет, так зрительно-то я помню, точно знаю, и здание это... Но какой номер я уже ничего не помню.

В. А что такое Варские? Это район?

О. Варские нет. Варские это - поселок при техникуме.

В. А как это пишется?

О. Это была раньше станция железной дороги узкоколейная Рязань-Тума. Станция.

В. Тума. Ну. А что такое Варские, слово? Что это? Это что-то значит?

О. Там была станция, а что она означает топонимически – я не знаю.

В. Ну так и пишется – Вор-ски-е?

О. Вар-ски-е. Варские... Может быть, вот от слова варить, понимаете?

В. А сейчас это... А сейчас это что? Это часть Рязани?

О. Нет, я не знаю. Может быть, и... и нет. Там ведь очень сложная ситуация. Там границей Рязани считается Ока. На севере.

В. По реке, да.

О. На севере. А Варские от Оки еще километров, наверно, восемь.

В. Но это по этой же стороне, или на той стороне реки?

О. Нет, это на север. Это ветка идет, железнодорожная шла, узкоколейка, на Туму. Она и сейчас, в общем-то, сохранилась, но по ней никто не ездит. Она шла через торфяные разработки, там... И рядом с Варскими был колхоз. Если не ошибаюсь, «Красный маяк». Но это так, наверно, в километре от станции, а при станции было построено здание трехэтажное сельскохозяйственного техникума, бараки для обслуживающего персонала, там же были и гаражи, и мастерские, и спортивные комплексы, и общежития... То есть ну, несколько десятков домов.

- В. Скажите, а когда вы уезжаете, и письма приходят туда, в Рязань, то как же вы отвечаете?
- О. Ну, во-первых, общение идет какое-то ну, по крайней мере, раз в неделю я либо приезжаю в Рязань, либо мать приезжает туда, или кто-нибудь еще. Так обмен все время идет, потому что...
- В. То есть это курсирование, да?
- О. Да, тут, основной все-таки дом в Рязани остается, а это как бы в гостях. Там преподавала Лидия Ивановна Керкинская химию, и одно время Зинаида Ивановна Керкинская тоже там преподавала. Агро... агро... агротехнику что ли, овощные культуры.
- В. А вам кто-нибудь вот мама, например, напоминала, что Юра, надо написать письмо отцу. Или это было?
- О. Возможно, возможно, возможно, но, в общем-то, я писал и сам с удовольствием.
- В. Потому что вот Ирина пишет каждое воскресенье. Вот где-то я в его письме прочитываю, что он заметил: «Что вот ты такая, пишешь мне каждое воскресенье».
- О. Думаю, что у меня такой упорядоченности не было.
- В. То есть не воскресенье даже, там же шестидневка. Каждый выходной день. А она очень организованная всегда была, да? Ирина? Или тоже с маминной какой-то...
- О. Нет, думаю, что она это... Она все-таки старше меня была. Я точно не помню, но я допускаю, что при моем шалопайстве в детстве, увлечении футболом, огнестрельным оружием, изготовляемым самостоятельно... Ну, я не относился к шпане, в общем-то.
- В. То есть мама должна была регламентировать. Да?
- О. Что понимать под «регламентировать»?
- В. Что, «Юра, надо написать папе письмо!»
- О. Нет, я допускаю, что было так: «Ты написал, ты ответил на письмо?». Ну, в таком... В такой форме. Я думаю. Заставлять меня так было не надо, но напоминание...
- В. Напоминать, да?
- О. ...возможно было. Просто я говорю, что у меня на эту тему нет четкой записи в памяти. Но я очень хорошо себе представляю свою общую жизнь тогда там.
- В. А у вас нету, например, такого чувства, что послать письмо, купить марку, купить конверт, это дорого?
- О. Нет. Этого никогда не было. Мама, конечно, очень большие усилия прилагала для сбора посылок.
- В. Да, он тоже очень подробно прописывает, что посылать, что не посылать, и ужасно стесняется этого.
- О. Учитывая, что у нее была ничтожная зарплата, и двое детей, которых надо было кормить, конечно, известные сложности были. И неоценимая помощь, которую оказывали ей сестры. Я не знаю ни сумм, ни это... Но я знаю, что они свою зарплату тратили на нас, как на себя.
- В. Но они тратили зарплату, или у вас был вообще общий дом?
- О. Ну как общий дом? Когда они жили там вместе, когда приезжали, то было все общее, конечно, у нас не было никогда деления, что вот там отдельно что-то готовить... Вообще никогда в жизни не было. Я вообще не знал, что такое может существовать в семье. Но они же часто уезжали. Лидия Ивановна жила вот в основном все-таки в Варских, но летом, скажем, вот в период каникул, если там не было каких-нибудь производственных практик, она там неделя свободная и она живет в Рязани. Зинаида Ивановна, она работала в более отдаленных местах. Я помню ее поездки в Игарку. Она у профессора Шора по моему... была ассистентом, а он вздумал выращивать клубнику. Папа рис в Рязани, этот профессор в Игарке клубнику!
- В. Ну и как? Ну и как? Выросла?
- О. Вот она там была, была в Заполярье, жила, вот, по моему. Потом она работала в Краснодарском крае.

В. Ну как, вырастил он клубнику-то?

О. Ну откуда я знаю! Надо поднимать литературу, где-нибудь в специальной литературе, может быть, об этом и есть.

В. Ну интересно.

О. Я ее не ел, во всяком случае. А вот Зинаида Ивановна, которая работала в плодоовощном питомнике, гигантском, вот она присылала нам посылки, с персиками там, с грушами, с экзотикой всякой.

В. Каждая в отдельную бумажку была завернута?

О. Да, там все это было... А запах был! Только посылку вносили, как весь дом сразу пах там персиками, там чем-нибудь... Иногда наполовину были испорченные...

В. Ну, пока дошло...

О. Иногда она приезжала, сама привозила. Иногда она приезжала с собакой, потому что питомник охранялся собаками. Собаководов не хватало и по желанию могли брать агрономы, руководство, собак. Вот одну собаку, которую должны были застрелить, из-за того, что она укусила собаководов, тетя Зина взяла себе. Вот она приехала в Рязань. Началось это с того, что она, папа зашел в комнату, где оставила свой чемодан Зинаида Ивановна, а это была самая дальняя угловая комната в доме. А там, значит, был этот пес. Пес его пропустил, дал сесть, и когда папа протянул руку, там за каким-то письмом или бумагой, пес молча прыгнул, - там расстояние примерно было метра два, - и прокусил ему вот здесь руку. Льется кровь. Папа орет. Никто не слышит, потому что никого в ближайших комнатах нет. Там или на улице...

В. А выйти он не дает?

О. Он позволяет ему встать, но при шаге в сторону двери он показывает ему вот такие клыки. Папа опять садиться. Ну, короче говоря, через некоторое время, у него там кто-то пришел, его освободили, перевязали руку. Следующим пострадавшим был я. Я вздумал его по спине... У меня шрам остался до сих пор на руке.

В. Погладить?

О. Вот так вот его по спине... А он был тогда на уровне моей руки, стоящий... Ну, здоровый был пес, на уровне стола.

В. А вам сколько при этом лет-то?

О. Думаю, лет мне, где-то пять, наверное, было.

В. Ну?

О. Я потрепал. Он так повернулся и так вот взял меня... Ну, как щенка, в общем. Прищемил мне руку.

В. Не шали, мальчик!

О. Не стал меня там кусать по-настоящему. Да, мол, отстань от меня. А, он перед этим показал мне зубы.

В. Но вы не поняли.

О. Он обернулся и показал зубы. Но я смеялся и продолжал его вот так вот трепать. Он так повернулся молча, ничего не рычал, так вот сжал мне руку, но одним клыком, острые вот такие клыки... Он мне разодрал кожу достаточно глубоко. Больше следов не было, только вот одного зуба. Но этот шрам у меня и сейчас можно найти, это так вот интересно...

В. Скажите, а что такое Рязань вообще, вот сейчас же Рязань это совершенно почти Москва, считай. Ну, очень близко от Москвы, ну что тут до Рязани доехать три часа.

О. Так было всегда.

В. А все-таки это было близко от Москвы, или это было отдаленная такая абсолютно глубинка, провинция?

О. Это был губернский город, чистая провинция, и Щедрин у нас жил, кстати...

В. Это я понимаю, что Рязань – замечательный, да, город. Но это совсем глубинка?

О. И многое, так сказать, что он писал, списано с Рязани. Ну, там было, когда я маленький был, это было тысяч, наверное, сто пятьдесят жителей.

В. Маленький...

О. Сто пятьдесят – двести тысяч. Была собственная электростанция, которая освещала город, тепловая. Когда-то он имел значение как торговый центр, поскольку, Ока... Ока и перевалка на железной дороге в двух направлениях.

В. Частные дома? Или большие?

О. Нет, там были, конечно, это был город обычный, частных домов, с особняками купцов, дворянским собранием...

В. Но это еще как-то сохранились какие-то следы при вас?

О. Ну он все-таки пользовался... исторически, как один из центров Московского государства... Все-таки там вот сохранились комплексы церковные, дворец Олега, Олега Рязанского, князя. Помещения его времен сохранились архитектурные. Там была епархия Рязанская.

В. Ну это все сохранилось, нет?

О. Сейчас сохранилось.

В. То есть 30-е годы по Рязани не прокатились, она устояла?

О. Как не прокатились? Ну, прокатились, как и по всем другим губернским, ну, скажем, областным городам. То есть московскому бюро троцкистскому нужны были региональные организации троцкистские такие же, по команде они, значит, были созданы практически во всех городах, даже в районных центрах Рязанской области. Скопин, ну, районный центр, типичный. Вот там была создана ячейка троцкистская. В Рязани была создана тоже ячейка троцкистская. По-моему, еще там третья где-то была, но я уже точно истории не знаю. Конечно, пострадало духовенство. Сейчас вышла книга, я вам не рассказывал? О священниках, репрессированных в Рязани.

В. Не, не рассказывали.

О. Не рассказывал? Ну, история такова. Я работал когда в прошлом году в архиве мне кто-то совершенно посторонний сказал что вышла книга, которую якобы, написала заведующая архивом, Синельникова. Рязанским историческим. Я спросил тут же, придя, значит, в читальный зал, у первой же сотрудницы я говорю: «А у вас книжка в библиотеке есть? Вот Синельниковой по репрессированным священникам в Рязани». Она говорит: «Нет. Говорю, простите, но вроде ваша начальница, так сказать, автор?» «Я, - говорит, - об этом ничего не знаю». Я тогда пошел к самой Синельниковой. Она достает из шкафа книжку...

В. Толстая?

О. Дает мне. Такая... Но двухтомник. Но она один мне том дала. Я его пролистал, смотрю, фамилий там моих знакомых нету, пока, хотя могут быть по идее.

В. Это действительно двухтомник, посвященный именно священнослужителям?

О. Репрессированным священникам, а не священнослужителям.

В. А, именно священникам. И именно Рязанской области?

О. Священникам Рязани города.

В. Не знаю, я не видела такую книжку, но наверное...

О. Так, теперь я сразу вспомнил. Когда-то я в году 92-м, может быть, 94-м, обращался в институт богословия. Есть такой в Москве, знаете?

В. Да.

О. Со мной там разговаривать в силу занятости не захотели.

В. Но они издают что-то. Ну, они, по-моему, дошли до буквы К...

О. М?

В. Они дошли, по-моему, до буквы К или до буквы Л...

О. Но в разговоре с сотрудницей я запомнил, что они очень заняты, потому что они делают, во-первых, они делают мартиролог священников по России, и дальше пытаются издать архивы современной церкви, потому что с 18-го года архивов нет. Есть только архив патриарха московского в историческом архиве, отдельно фонд патриарха. А, в общем-то, нет. Ну, я там с ними на эти темы там поспорил, говорю, что вы это самое ну, покопайтесь по церквям, там полно. Я вот сам встречал метрические книги в церквях.

Своих во время путешествий по воде. В частности на Рыбинском водохранилище... Отец Павел мне показывал метрическую книгу, грамоту Елизаветы, то есть еще можно много найти. То есть он ведет метрические книги и сейчас, хотя никуда не сдает, потому что никто их не принимает. Церковь отделена от государства, а церковный архив они не удосужились создать все эти купленные священники со всем их Синодом.

В. Ладно, не будем о грустном.

О. И тут я вспомнил про этот мартиролог. И тут я понял ситуацию чисто умозрительно. Что они обратились за помощью к работникам архива., где есть церковные фонды. И за денежки, думаю, они выполняют вот такие работы. Потому что ни в одном магазине книжном Рязани этой книги не оказалось. Я на машине там был. Я объездил все крупные магазины за пару часов в Рязани...

В. Ну а вы у нее спросили, где можно купить?

О. Да нет, мне и в голову не приходило. Я спросил ее: «Она продается?» Она сказала, продается.

В. Ну да. А где продается?

О. Да... Я решил, что она в магазине продается, ну... Господи! Я объехал...

В. А это было когда, кстати?

О. В августе 2004-го года.

В. Вот этим летом.

О. После... или до нашей встречи... или после, не помню.

В. Ну, в то время, да. Ну, вы ж в этом году ведь опять поедете?

О. Я собирался ехать, простите, с ноября месяца, а я еще здесь.

В. Ну хорошо. Сейчас не нужно, сейчас зима. А скажите мне другой вопрос. Вот когда до войны в Рязани же был очень большой военный городок? Это как-то влияло на вашу жизнь? Каким-то образом это чувствовалось? Осипенко ведь там вроде погибла, да?

О. Ну было... Военный городок был, наверное, не больше чем... Это был поселок Дашки, военный городок, по московской железной дороге.

В. То есть вы никак не чувствовали их присутствие?

О. Абсолютно не чувствовали. Ну, знали, что... Но это была кроха по сравнению с городом.

В. Хорошо. А тогда другой вопрос. У вас очень интеллигентная семья, а вы ориентированы на какие-то пульки, на какие-то пистолетики? Почему? Просто по-мальчишески?

О. Ну, естественно. Для нас же герои были тогда чекисты НКВД, задерживающие врагов. Ну, я думаю, что это чисто мальчишеское было, в общем-то.

В. А почему в вашей семье могли быть таки герои? Это уличное? Кино посмотрели? У вас там папа переживает, когда вы даже на воробья сеточку делаете, потому что вывихнуть может ножку у воробья, и он по этому поводу вам очень деликатно и очень тонко...

О. Да, я ловил воробьев. Это была моя идея. Я с катушки отматывал нитку, делал петли, ставил сковородку, в сковородку насыпал какую-нибудь крупу.

В. А, в сковородке как приманка.

О. На край сковородки клал петлю, ложился невдалеке и держал конец нитки. Когда воробей садился на край сковородки, а петелька была вокруг ноги, я дергал за нитку, и воробей был мой.

В. И что с ним делать?

О. Ну, отпускал потом.

В. Ну папа пишет вам, что может ножка вывихнуться.

О. Ну, обычно он попадался за обе ноги. Я не помню, чтобы за одну попадался. Но это не суть. А вообще у нас было несколько училищ, артиллеристское, пехотное... Такие... с историей. Пушки стояли перед входом. Дома эти кому-то принадлежали, большим богачам. То есть историческую ценность имели дома, где были училища. Потом во время

войны появилось еще несколько: пулеметное, ВДВ, Авиационное училище тоже какое-то было.

В. Во время войны?

О. Да. Но оно потом, по-моему, исчезло. Там готовили, если не ошибаюсь, офицеров дальней бомбардировочной авиации. У меня был там сосед, которого вселило НКВД к нам в дом после ареста отца, ну, он был полотер по профессии. На НКВД натирал полы, и его, значит, сунули к нам. А у него был сопливый мальчишка, года на три моложе меня, которого, значит, я презирал, но от нечего делать, так сказать, мы общались, иногда.

В. Почему презирал-то? Потому что сопливый или потому что сын полотера?

О. Да вечно у него сопли торчали.

Конец стороны А 1-й кассеты

1-я кассета, сторона В

О. Ну вполне, лояльный. Ну, иногда я, может, его поколачивал, конечно.

В. Но любя.

О. да. Но когда я вернулся уже после демобилизации я узнал, что он за это время успел кончить авиационное училище, уже летал... На войне, правда, он не участвовал, потому что он был года, наверное, 29-го года рождения, на войну он не попал. Но меня потрясло другое. Что он в 15 лет выходил, то есть через 15 лет службы выходил на пенсию. Уже.

В. Почему?

О. А там засчитывается год за три им как-то вот. Там пилотам этих самолетов. Короче говоря, я приехал, как-то решил с ним повидаться. Он жил в другом месте. И накануне моего приезда. А ему оставалось до мобилизации вот три дня. И он согласился подменить какого-то пилота вот слетать куда-то... и разбился. Накануне моего приезда в Рязань. Поликарпов Витя. Это к вопросу о военных-то.

В. Да... Скажите, а вот для вас родина – это Москва, или это Рязань?

О. Нет, это Рязань, конечно. Однозначно и бесповоротно.

В. И у вас не было желания переехать, вернуться?

О. Ну, что значит, не было. Такая, в общем, возможность оставалась, как-то. Но, честно говоря... Ведь я же кончал университет с надеждой путешествовать по стране и вообще жить самостоятельно где-нибудь... Географ, все-таки... Я остался в Москве совершенно случайно. Просто потому что я женился на пятом курсе и у жены был туберкулез у первой жены.. И ей было запрещено выезжать из Москвы. А то ведь я собирался... Мы сначала и вместе собирались подписывать куда-нибудь, только не в Москву. Распределение.

В. А она с вашего же факультета?

О. Да. Ну она была, так сказать, геолог, я – гидролог. Такая была специальность геоморфологии поверхности Земли. Ну, это ближе к геологии, в общем. Это часть геологии. Ответвление. Она искала потом минералог. Вот. Поэтому стоял вопрос не о Рязани в этом отношении. Там применить свои профессиональные знания было негде. Значит, отпадал просто вопрос. Жить можно, но где работать?

В. Работать негде..

О. А там понеслось. Якутия два года почти. Ну, 11 месяцев если я в командировке из 12. А она, допустим, там тоже шесть месяцев в году в командировке.

В. Ну, туберкулез потом прошел?

О. В общем, да. В общем, да. Ну, она была в санатории несколько раз вот в «Вороново», такой проправительственный санаторий, там несколько раз была. Но Рязань всегда оставалась центром. Довольно долго.

В. ну, пока дом оставался, пока дом не продали.

О. Вот до, примерно... до 59-ого года, примерно, до 60-ого. Когда... вот, надо было Женю держать кому-то ухаживать, мама тогда вернулась в Москву. Женя - это старший

сын Ирины. Он 52-ого года рождения. Она тут приезжала там на лето там пасла его. А тут встал уже вопрос, что надо постоянно быть кому-то... Потому что Ирина тоже уезжала в командировки, на полигоны часто ездила, то в Севастополь, то в Байконур отправляли этих космонавтов. Там они испытывали какие-то... Вот, собственно, мама когда переселилась-то... Тут уже Рязань отпала... И, в общем, вынуждены были продать эти дома, потому что там никого не оставалось.

В. Некого было...

О. Да. Никого не оставалось. Лидия Ивановна умерла, Зинаида Ивановна умерла, и дом оставался просто бесхозный. И надо было от него просто избавиться, потому что он никому не был нужен, и его продали. Там за какие-то маленькие очень деньги, разделив, кстати, все деньги на всех вот родственников. Включая вот Николая Ивановича, там вот его детей. Считая, что это бабушке принадлежал дом. Значит, деньги принадлежат всем потомкам.

В. Всем потомкам... Но это по-честному, это справедливо.

О. Другого варианта никто не обсуждал.

В. А кто там живет сейчас, не знаете?

О. А там уже нет этого дома. На его месте сейчас построили особняк. Узнать это место уже нельзя. Ну, вот фотографии есть.

В. Понятно. Скажите, а ведь получается, что семьи восходят к священникам. Обе семьи, да?

О. Ну, в общем, да.

В. А скажите, папа, мама в бога-то верили?

О. Нет. Ни мать, ни отец были полными атеистами.

В. А мама уже под старость? Никак не обратилась к этому?

О. Нет.

В. А бабушки? А вы крещенный?

О. Да.

В. Бабушка крестила?

О. Почему? Мать крестила.

В. Просто по традиции?

О. Вот Ирина описывает, как... Она помнит, как меня крестили, как она испугалась, когда меня в воду запихали. Как она орала.

В. Что утонет, утопят ребенка?

О. Да-да-да-да. Крестили прямо дома. Приходил священник, знакомый, она помнит, с которым учились вместе где-нибудь или в гимназии, или там братья учились вместе в семинарии. У меня же братья матери почти все учились в семинарии.

В. Потом все отошли от этого?

О. Пошли по гражданскому, да. Но семинария давала знаете какое образование?..

В. Хорошее.

О. Я был потрясен. В прошлом году нашел документы про рязанскую семинарию, факультативно обязаны изучать либо древнееврейский, - в семинарии! - кроме греческого обязательного, значит либо древнееврейский, либо какой-то еще. Это кроме изучения еще основного там немецкого, французского... Я был потрясен!

В. А латынь надо?

О. Латынь обязательная, то есть... Древнееврейский изучают. Древнеславянский. Латинский, греческий, французский, и еще...

В. Ну это только языки, а там же еще и история, философия, и естественный курс...

О. Да. Ну там логика...

В. Риторика.

О. Риторика.

В. пение...

О. Ну, пение да... тоже. Я потрясен был, какое образование там давали.

В. А при этом они все равно в бога-то не верили? Или верили?

О. Ну, Вениамин Иванович, по братьям матери, не верил точно, Николай Иванович – не верил точно...

В. Это при том, что они закончили семинарию.

О. Леонид Иванович не верил точно. Нет, Леонид учился в гимназии... Вениамин Иванович окончил духовное училище, но ушел в гимназию тоже. Или он в семинарии проучился один год и ушел. Тут ведь, надо сказать, тут регламентировалось все это. Почему шли в духовное училище? Потому что там детям священников, там, были льготы по оплате обучения. А семьи-то были большие, вот 12 человек. У Павла Васильевича 8 человек, у Ивана Васильевича Керкинских 8. 20 человек сразу надо платить деньги, представляете? За обучение.

О. Поэтому главное, что в духовном училище там вам льгота по оплате. При приеме. А кончив духовное училище – у вас преимущество при поступлении в семинарию перед просто самообучающимися. Надо сдать экзамен. А выгоняли-то из семинарии знаете, сколько? Сорок процентов!

В. За что?

О. За неуспеваемость! За неуспеваемость.

В. Ну ваших же это никого не коснулось, их никого не выгоняли?

О. Оставляли на второй год не одного! Тридцать процентов – написано в книге – отчисления от момента поступления до окончания. Тридцать процентов. Вот если б так делали у нас в медицинских вузах, у нас бы медики были бы иные.

В. Да не только в медицинских, а вообще везде было бы неплохо так делать. Нечего плодить плохих инженеров и плохих педагогов.

О. Ну, везде это не так страшно, понимаете.

В. Ой, педагогов тоже очень страшно.

О. Педагога... Педагоги это тоже правильно. Но педагоги это отдельная совершенно тема, и тут, по-моему, должен быть, существовать отбор-тестирование. То есть просто делить людей на две категории – которые могут быть преподавателями и которые никогда не будет преподавателями, учи их, не учи... Это ведь так... Это же... душевный склад.

В. Скажите, Юрий Евгеньевич, а вот скажите на счет душевного склада. Вот вы сейчас уже много лет так заинтересовано относитесь к истории семьи. Это ведь на вас не с облака свалилось вдруг, что вы жили-жили и решили этим заниматься. Это, значит, вас приучали с детства? К тому, что семья это - святое.

О. Ну это же совершенно ясно, я же ведь рос в семье, где родственные связи были очень прочные. Вот эти семьи двух братьев, Ивана Васильевича Керкинского и Павла Васильевича Керкинского... Вот Павел Васильевич он жил в Дягилеве...

В. Это ваш дед?

О. Да, мой дед по матери. И его брат. Вот у них было в общей сложности 20 человек детей. Так они же общались все время непрерывно. То есть они жили летом в Дягилеве, ездили взад-вперед из Рязани в Дягилево... По-видимому, оказывали финансовую друг другу братья. То есть родственные отношения были достаточно прочными. Потом, дальше стало правило. Старшие дети в семье Керкинских, и той и другой, они помогали обучать младших. Для этого они студентами или в старших классах гимназии работали репетиторами, и на эти деньги учили, помогали поступать в гимназию, там...

В. Это все до революции.

О. Это все было до революции.

В. А после революции?

О. После революции, когда они все вот их разбили, разлетелись... Значит, тут я уже то что видел, это было уже отзвуки.

В. Осколки.

О. Но там же сохранились вот... когда приезжали мои дяди, тети, был для нас праздник... Праздник!

В. Но они часто приезжали?

О. Часто. Они вот приезжали... Вениамин Иванович жил в Москве, Николай Иванович жил в Ленинграде. Но они приезжали к нам, в Рязань. Рязань считалась центром. Приезжали из Сибири... Вот в Рязани собирались за столом... Стол ставили на улице, на дворе просто, на огороде там. Чтобы усадить восемнадцать человек примерно. На обед.

У нас-то было... Вот бабушка Саша, Павла Петровна, отец, мать, я, нас семь человек, к примеру, так?

В. Ирина.

О. Ну вот нас семь человек, постоянно живущих. Ну и тут приезжает Лидия Ивановна, Зинаида Ивановна, Вениамин Иванович, Николай Иванович, человека три приезжают из Барнаула, моих двоюродных там дядей... Да еще с детьми приезжают. Вот на стол садятся – это ведерная кастрюля компота. Леонид Иванович, как всегда, шутит. Вот тут, - говорит, - Юра, ты понимаешь, вот выгодно кому – кому первому наливают, или кому последнему? Понимаешь, вот последнему самые ягоды вишни достаются... А он такой трепач был, страшный, вы понимаете, когда он рассказывал – все замолкали. То есть он изумительно рассказывать мог любую вещь.

В. Вениамин Иванович – это ленинградский?

О. Леонид Иванович. Это он жил с нами, в общем-то.

В. А, Леонид... Вот это тот самый, который читал, да?

О. Вот это восьмой человек... да. Потом вот его жена, не умершая вот эта вот Барсеньева, а первая жена, по-моему, Александрова, режиссера. Раиса... Раиса... Александровна Лишина. Первая жена, по-моему, она Александрова была, мужа Орловой.

В. Ну, Григория Александрова, кинорежиссера.

О. да, кинорежиссера. Это еврейка чистая. Работала она всю жизнь...

В. Лишина... Фамилия интересная – Лишина. От слова «лишний»?

О. Ну я думаю это по мужу, это не родная.

В. По какому-то из предыдущих?

О. По мужу, по предшествующему мужу. У нее же дочка была. Она и сейчас, может быть, жива, но мы потеряли связь. Она работала корректором в Детгизе вот на Дзержинке, всю жизнь, лет 30 с лишним, насколько я вот помню. Была о очень мягкая, очень красивая женщина.

В. А как же вы потеряли связь-то с ее дочкой? Вы же жили в одном доме.

О. Нет. Мы не жили. Она жила всегда в Москве. Но она... на даче мы вместе иногда жили. Одно время, вот в 42-ом году у нее жила даже Ирина на 1-ом курсе университета, у Лишиных жила. Ну, она вышла замуж, переехала... В общем, как-то утратилась связь. Когда умерла уже Раиса Александровна, потому что... Ну, Раиса Александровна еще как-то была близка, как жена моего дяди. А ее дочка от чужого мужа, она уже вообще... значит... свояк в квадрате. Кто уже... никакой родственности кровной нет, и свойство тоже уже второго плана. То есть при наличии огромного количества родственников...

В. Но все равно, все-таки, отношения...

О. ...кровных, разной степени близости, вот... по-видимому, эта была причина. Но, кроме того, она была достаточно эгоистичная, эта Вера. Она окончила МАИ, кстати, с отличием. Авиационный... авиастроительный институт, МАИ. То есть она была неглупая очень женщина.

В. А все-таки ужасно интересный вопрос с религией. Вот как вы можете объяснить, почему такая большая семья из таких, в общем-то, хороших и крепких традиций, а все от религии отошли? Почему? Время?

О. Я думаю, ну... был период, общий... Образование...

В. Но ведь они отошли еще до революции, да? Вот тогда, когда интеллигенция противопоставляла себя... Они ходили же в церковь в детстве, выполняли все требы, как это называется...

В. ну да. Не знаю.

О. Но дело в том, что моя бабушка, Александра Ивановна, она говорила, что она в бога не верит, хотя иконы у нее висели в комнате. И они висели и после ее смерти даже. Куда они делись потом я не знаю, угол был с иконами, лампадка горела, это я очень хорошо помню.

В. Это которая читала «Историю ВКП(б)»?

О. Да, да-да-да-да. И вроде она вот перед смертью, это было году, наверное, в 36-ом, вроде у меня вот осталась память, что вот она сказала, что она в бога не верит.

В. А Павла Петровна?

О. Павла Петровна верила до конца. Ходила в церковь.

В. А дети, тем не менее, отошли.

О. Но мама давала ей жесткий отпор, если она на нас с Ириной пыталась оказать в этом отношении влияние.

В. Почему? И в чем это выражалось? Как это мама давала отпор?

О. Ну, можете сами себе представить. «Не вбивайте детям глупости в голову». Ну что вам, непонятно?

В. А глупости какие были? Что вот сейчас пасха и давайте мы будем ее отмечать? Или как?

О. Пасху мы отмечали независимо от этого, я совершенно хорошо помню, как я писал в 1-ом классе «Долой пасху и кулич!» Я был художник-оформитель класса, и писал вот лозунг, рисовал кулич...

В. перечеркнутый...

О. перекрещенный черным. И с аппетитом ел пасху и кулич, вернувшись из школы. Так что двойное сознание нам впитывали еще с первого класс. Двойное восприятие, двойной стандарт. Мы так и прожили всю жизнь вот при двойном этом стандарте. До 90-х годов, практически, разве нет?

В. Абсолютно точно. И все что дома происходит – там говорить нельзя. Правда?

О. Совершенно верно.

В. И даже никто вроде бы и не объяснял, как это надо делать, а сами знали.

О. Так что тут неудивительно... Ну, я думаю, что это был период, когда вот... революционного... предреволюционного брожения... Я-то оцениваю это очень просто. Монархия, конечно, уже не удовлетворяла общества. Сковывала инициативу, вот это вот... прогнивший, затхлый... Вот этот строй с городскими, околоточниками, где масса была поставлена решеток, ограничений, это нельзя, то нельзя, то нельзя... Причем, уже совершенно глупо, что нельзя. Понимаете? Она мешает жить просто. Всем осточертело. И осточертело даже тем, кто жил довольно неплохо, понимаете? Иначе бы они не прятали у себя революционеров, как я... Эти, читая биографии... Ну, то есть когда читал биографии вот этих жителей Зеленовода, я все время сталкиваюсь, что они прятались там, у известных актеров, врачей, которые зарабатывали достаточно хорошо...

В. И деньги давали все время на революцию?

О. Деньги давали на революцию. То есть это был общий уже, такой настрой. Что надо ломать вот этот порядок. А тут еще война. И поскольку духовенство-то оно было частью этого строя очень внушительной... Ведь в России-то государство подмяло под себя религию, религия стала государственной, в священном Синоде глава – обер-прокурор Синода, назначаемый царем!.. А не Патриархом! Кто главный в Синоде был? А от Синода зависит, кто назначен епископом, митрополитом. Опять же око государево смотрит, кого назначить. И все это, конечно, негативно влияло на веру. Плюс еще не забудьте, всплеск научно-технического прогресса. И люди, изучающие естествознание, Дарвина, конечно, не могли так же слепо верить.

В. Ну верно. Ну, тогда когда мама и бабушка вступали, ну, не в противоборство, ну когда мама бабушке говорила, Павле Петровне, чтобы она на вас не влияла, она о чем беспокоилась, о научно-техническом прогрессе или о политике на дворе?

О. Ну при чем... При чем здесь политика? Ну, просто мировоззрение...

В. А мама была идейная?

О. В каком отношении?

В. Мама была... Мама считала, что религия для детей это не нужно.

О. Да-да-да-да. Во-первых, тут была насадкина позиция. Защитить детей. Может быть, здесь я и не прав, сказав, что политика тут совсем не при чем. Потому что принадлежность к духовенству тогда было клеймом, даже в родстве...

В. Она не могла этого не знать.

О. Как же она не могла!! Конечно, когда арестовали там многих из знакомых, которые друзьями были братьев, там пересажали, перестреляли... Вот. Я еще хочу разобраться с этими двумя томами, посмотреть, может быть, я кого-нибудь знакомых там найду. Я некоторых попов фамилии помню, рязанских. Ну, там более подробно написано, так что я по возрасту могу сказать, кто из них учился вместе, на одном курсе. Они же не могли не знать друг друга, господи...

Так вот. У нас в семье, это я очень хорошо помню, не принято было разговаривать о предках ни в какую. Почему я так ничего и не знал ни о отце Гавриле, о своем прадеде... Не принято было говорить о том, что были священники, там, да... Вообще не принято.

В. А как вы теперь это понимаете?

О. В какой-то степени самозащита, чтобы не упоминалось ни в каких анкетах там. Правда, в этом отношении было благополучно, потому что деды уже все не были священниками. Все кончали семинарию, и по этой линии, и по папиной, и по маминой, но все ушли по тем или другим причинам в гражданство. Одни по болезни горла... Почему Иван Васильевич ушел? По-моему, чтобы семью прокормить. Он пошел куда-то в чиновники в Рязани, секретарем. Потому что это были деньги, а попом надо было ехать в какую-нибудь деревню, а детей-то была целая куча...

В. А детей-то...

О. Их надо было... Я думаю, это была причина. А то они все кончили семинарию, но не пошли. А вот все остальные уже были духовенство. Кроме того, их дети опять же выходили замуж за духовных лиц, тут вот... фамилии Алякровы, вот из писем дяди Алеши я знаю, что они ездили к родственникам в соседнюю деревню... Это все попы были.

В. Вам надо книжку внимательно изучать.

(отступление о курении и перерыв)

В. Вот это очень интересно. Скажите, вы пришли в армию, и что вы увидели? Почему вы сейчас коснулись этой темы, что для вас родственность это одно, а для других людей этот обуза. Почему?

О. Ну я не знаю. По-моему... раньше, вот в крестьянстве... А большинство же у нас населения все-таки вышло из крестьян... Вот в крестьянстве всегда родственники оказывали помощь своим... так сказать... сородичам.

В. Помощь, или общая работа?

О. Ну, не знаю, как насчет общей работы...

В. Или это для души?

О. Я над этим вопросом... в общем-то не занимался, но то, что я знал, что на поколение раньше меня родственная помощь играла громадную роль и была основой.

В. Откуда вы знали? Вам рассказывали?

О. Ну, конечно!

В. или вы это видели?

О. Ну я это и видел, я и видел своими глазами отношения между двоюродными братьями, двоюродными сестрами, родными братьями, родными сестрами, насколько близкие, теплые были эти отношения. То есть я никогда не видел никакой конфронтации, никогда! Вот в книгах потом это сплошь и рядом встречается. Кстати, этот вопрос он меня, в принципе, и сейчас несколько задевает. Потому что когда Владимир Сергеевич Богоцкий,

приехал из Швейцарии, примерно это было году в 80-ом, куда он ездил... Ну он там прожил до 16-ти лет в Швейцарии, потом поехал на встречу со своими однокашниками, из гимназии...

В. Владимир Богоцкий – это муж вашей сестры.

О. Муж моей сестры. Когда он приехал, я его спросил: - «Володь, ну хорошо, вот ты рассказываешь, там, какая жизнь, прекрасная, так сказать, все хорошо, а какие у них проблемы? Вот самые такие главные?» И он ответил: «Отношения отцов и детей». Я говорю В чем суть? Суть в делении как бы наследства, благ оставшихся, там, денег... Я тогда, честно говоря, не понял... Глубоко не понял. Так, поверхностно понял. Понятно. Я начал понимать об этом когда вот началась приватизация так сказать жилья, квартир, когда встали вопросы... А что будет после смерти, там, допустим, Владимира Сергеевича? Кому пойдет дача, кому пойдет дом? Он об этом волновался. И какие-то противоречия скрытно уже сейчас возникли в этом плане. Вот я только когда по-настоящему понял его ответ.

В. Ну, не знаю. У нас, может быть, нечего было делить?

О. Правильно. Когда нечего нам было делить, нечего было оставлять, этой проблемы не было. Она возникает только тогда, когда есть что делить и что оставлять.

В. Но вы только что... Вы только что сами себе противоречите!

О. В каком плане?

В. Знаете в чем? Сейчас скажу. Вы что сказали? Что ваша мама, с тетками продала дом в Рязани, да? И поделила между кем и кем?

О. Да какое противоречие... Между всеми, кто был, оставшимися...

В. Правильно. То есть она поделила со всеми своими двоюродными, племянниками...

О. Совершенно верно.

В. Верно? То есть это же было изъявление ее души, ее сердца. Ее ведь никто не вынуждал к тому, что она должна была делиться со своими двоюродными.

О. Формально там по наследованию было три сестры.

В. Верно.

О. То есть они должны были поделить деньги между собою. Лидия Ивановна, Зинаида Ивановна... Но у них и в мыслях этого не было!

В. Почему?

О. Чтобы лишить детей Николая Ивановича, который умер уже давно, его доли... Чтобы лишить...

В. Ведь эта, эта доля-то она, такая... Как теперь говорят виртуальная. Правда? Она ж нигде не была записана, ни в каких документах...

О. Ну абсолютно, нет. Ну и никаких юридических прав они не имели. Но, вы понимаете, я почему вспомнил об этом. Что другого у них не было даже варианта...

В. В голову не приходило.

О. В голове даже не рождалось. Понимаете, даже не было этого дела. Но это ведь шло откуда? Шло еще с детских времен, там, когда помогали ранее кончившие учиться младшим, как они им помогали, присылали деньги... И когда там рождался там ребенок там, когда они приезжали, они не просто приезжали, они тоже оказывали какую-то помощь там, если надо было, там вон крышу перекрыть на доме... Я деталей-то не помню, я же тогда был мальчишкой, меня же никто не посвящал в это дело. Но я общий вот этот...

В. Взаимоотношения-то закладывались какие-то.

О. Общий климат этих отношений я, просто въелся в меня. Я другого не знал просто, понимаете, поэтому для меня было диссонансом, когда я услышал про то, с какой ненавистью говорят о братьях своих, там, о сестрах. В армии. Там же ведь... Они говорят о своих домашних делах, это не собственно армейское, это я же говорю о семейных их... взаимоотношениях.

В. Другие закладывались взаимоотношения? По-другому воспитывались?

О. Все совершенно по-другому. Что один говорил, что он ненавидит просто родственников всех. Вот для меня это было совершенно непонятно...

В. И чуждо.

О. Да. Я с этим никак не мог согласиться. И вот отчуждение родственников оно как раз во многом, может быть, связано с экономикой, то есть с владением собственностью... Вот вы сейчас улыбаетесь, но вот вы не читаете газеты, а я читаю. Я час день трачу на чтение газет, читаю все подряд, чтоб быть в курсе, так сказать, жизни всей. Масса статей, огромная масса про дележку имущества. В первую очередь... В первую очередь жилья.

В. мы не будем делить никакое имущество и не будем об этом говорить.

О. но делят-то родственники. Тут не чужие люди делят, понимаете?

Конец записи.